

Крымские татары*

Алан Фишер

Аннотация. Статья представляет собой продолжение перевода с английского языка работы известного историка, профессора Государственного Университета в Мичигане (США) Алана Фишера – *The Crimean Tatars (Крымские татары)*. Она была опубликована в 1978 году в США.

Во второй части книги автор рассматривает следующие вопросы: 1. Крымские татары в имперской России (Интерес России к Крыму). 2. Екатерина II. 3. Война 1768–1774 гг. 4. Успех России с ногами. 5. Каплан Герай. 6. Русское вторжение. 7. Крымское независимое государство и русская аннексия. 8. Российско-крымский договор. 9. Сахиб Герай у власти. 10. Второе русское вторжение. 11. Политика Шахин Герая. 12. Крымская оппозиция Шахину. 13. Русская колонизация. 14. Третье русское вторжение. 15. Реформы Шахин Герая начинаются вновь. 16. Последнее русское вторжение. 17. Реорганизация Крыма. В целом, во второй части рассматриваются экономические и политические условия, при которых Крым вошёл в состав России.

Ключевые слова: крымские татары, ногаи, политическая система, экономическая система, правящий хан, Гераи, Екатерина II, Османская империя, реорганизация Крыма.

Для цитирования: *Алан Фишер. Крымские татары (2) / пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9, № 2. С. 99–128. DOI: 10.22378/kio.2022.2.99-128*

* Перевод с английского Сейтхалиловой Л.С., Алиевой А.Ю. Перевод выполнен по изданию: Fisher, Alan W. *The Crimean Tatars*. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1978. Продолжение. Начало см.: Алан Фишер. Крымские татары / пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9, № 1. С. 58–114. DOI: 10.22378/kio.2022.1.58–114.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

6. Интерес России к Крыму

С заключением мирного договора в Карловице (*Karlowicz*) и завоеванием Петром I Азова в конце XVII века позиция Крымского ханства как мощного политического образования в степи в скором времени значительно пошатнулась. Сочетание ослабления Османской империи и нарастание мощи России повлекли за собой неожиданное изменение баланса сил в Восточной Европе. Вместе с этим изменением усилилась готовность некоторых представителей в Крыму принять предложения России. В середине XVII века, добившись от Польши контроля над левобережной Украиной и Киевом, крепнущая Россия получила мощный импульс к развитию. Опираясь на эту прочную базу, русские смогли реализовать свои амбиции по расширению на юг.

*Первые попытки московской аннексии*¹

Наряду с Адашевым, в царствование Ивана IV первым, кто призвал к военным действиям России против юга и возможной аннексии крымскотатарских земель, был не москвит, а хорват Юрий Крижанич (*Jurij Krizhanich*). Посетив Москву в 1660-х годах, он стал просить московской защиты для османских христиан и подготовил предложение, призывающее русских к военным действиям для освобождения братьев-христиан, находившихся под исламским игом. Крижанич отметил, что такое государство, как Московия, не должно мириться с вторжениями вражеского иноверного соседа на свои земли. Если царь не пожелает предпринять решительных военных действий против татар, их набеги будут продолжаться. Московские подданные останутся на юге в «языческом» плену, а честь москвитов будет и впредь подвергаться оскорблениям [1].

Первыми предпринятыми Москвой реальными попытками покончить с крымскотатарской угрозой были походы 1687 и 1689 гг., которые возглавлял князь Василий Голицын. Однако, несмотря на изменение баланса сил, Московия все еще была слишком слаба, чтобы добиться успеха против татар. В обоих сражениях крымская конница под командованием хана Селим Герая I нанесла поражение москвитам в степях к северу от Перекопа. Только в 1696 году, когда Петр I успешно продемонстрировал российское превосходство при захвате Азова, Россия получила доступ к Черному мо-

¹ В российской историографии принят термин «присоединение».

рю, а набеги татар на Московию прекратились. Татарское могущество сокращалось [2].

Документы о взаимоотношениях Османской империи с татарскими ханами в начале XVIII века наглядно демонстрируют перемены, произошедшие в ханстве после падения Азова. За первые тридцать пять лет XVIII столетия на крымском престоле сменилось одиннадцать ханов, и все они оказались неспособными к эффективному руководству как внутри страны, так и во внешнеполитических отношениях. Османь смещали крымских ханов гораздо чаще, чем это было раньше, теперь даже по ходатайству одного из лидеров клана. Хань, в свою очередь, неоднократно посылали татарские армии на Кавказ, против Ирана и на Балканы по требованию Османской империи. Но они часто возвращались с пустыми руками, неся большие потери в живой силе и лошадях.

В первой четверти XVIII века то обстоятельство, что российские правители были озабочены европейской политикой, давало крымцам определенные преимущества. Петр I был в первую очередь заинтересован в урегулировании балтийских проблем со Швецией и в том, чтобы Россия стала частью европейской политической системы. После его смерти в Санкт-Петербурге началась внутренняя неразбериха, которая длилась несколько лет. Но во время правления царицы Анны в 1730-х гг. власть в России упрочилась как внутри страны, так и за её пределами.

Анна предоставила убедительное доказательство намерений России в международных взаимоотношениях, когда она вмешалась в польский кризис престолонаследия в 1733 году. Примерно в то же время военный советник Анны граф Миних убеждал ее в целесообразности ликвидации Крыма как политического образования. Он сумел убедить ее совершить крупномасштабное вторжение в ханство в сентябре 1735 года, когда хан Каплан Герай находился в походе на Кавказ.

В начале 1736 года на территорию Крымского полуострова вошла многочисленная русская армия. Она прорвала слабую оборону татар у Перекопа и достигла Бахчисарая. Большая часть этого города, включая ханский дворец, была сожжена, а то обстоятельство, что хан в это время отсутствовал, побудило вождей кланов, проживавших в городе, принять решение об отстранении Каплан Герая от власти [3].

Можно было предположить, что это вторжение станет смертельным ударом для ханства, но этого не произошло. Из-за болезней и недостатка провизии русские были вынуждены покинуть Бахчисарай. Хань Менгли Герай II (1737–1740 гг.) и Селямет Герай II (1740–1743 гг.) предприняли самоотверженные усилия по восстановлению разрушенного русской армией.

Ханский дворец (ныне музей) в Бахчисарае – результат стараний Селямета. Менее чем за три года он реконструировал дворец и примыкающую к нему большую мечеть. Это весьма впечатляющее достижение для поверженного и практически разорённого народа.

С восстановлением символов власти Гераев у хана появилась возможность вернуть доверие кланов. Отношения с Российской империей с этого момента претерпели серьезные изменения. Селямет понял, что, поскольку османы не в состоянии оказать татарам существенную поддержку, полная враждебность по отношению к России приведет лишь к повторению событий 1736 года. С учетом этого обстоятельства он налаживает как торговые, так и политические связи с Санкт-Петербургом. В 1740 году русский губернатор Киевской губернии Леонтьев проводит ряд переговоров с ханом, в результате которых в Крым периодически прибывают русские послы, в Бахчисарае учрежден пост российского консула, а в Санкт-Петербурге устроен прием несколькими представителями от татар.

Достижения России в Крыму следует отнести к дальновидной политике царицы Елизаветы (деятельность которой во внутренних и внешних отношениях недооценивается историками). Она поняла, что ее страна может многое выиграть от более тесного взаимодействия с татарами. По ее мнению, имея выход к Средиземноморью, Россия могла бы играть более эффективную роль в европейской политике, а стабилизировав южную границу, она получила бы огромное преимущество в польских делах. Тем не менее, историки приписывают большую часть заслуг в этом направлении ее преемнице, царице Екатерине II, чьи более решительные действия в конечном итоге привели к включению Крыма в состав Российской империи [4].

Интерес к обеспечению контроля над Крымом со стороны России был обусловлен как политическими, так и экономическими мотивами. Вполне понятно, что советские историки уделяют наибольшее внимание экономическим причинам. Они заключались в аспектах внешней торговли с Европой, осуществление которой обеспечивалось наличием теплого удобного порта на Черном море, и на потребности России в использовании богатых сельскохозяйственных земель на юге Украины, что было невозможным из-за татарского господства.

В то же время интерес России к Крыму имел и политический аспект. Частично он был психологическим, а частично реальным. С XIII века Московия страдала как от военных вторжений татар, так и от политического подчинения татарам. Татары представляли собой враждебную силу неверных на границах Московии. Уничтожение и последующее наказание этого врага могло бы в значительной степени смягчить гнев и ненависть к татарам-мусульманам.

Екатерина II

В начале правления Екатерины II ее ближайший советник по политическим вопросам М. Л. Воронцов подготовил пространный меморандум в области внешней политики, в котором уделил пристальное внимание крымской проблеме. Он особо отметил «варварский и дикий» характер крымцев и обозначил длинный список претензий, предъявляемых Россией. Его рекомендации были следующими: 1) Вдоль границы должна быть возведена линия мощных русских укреплений для предотвращения любых будущих крымских набегов, 2) Крымский полуостров должен перейти под власть России, чтобы была устранена крымская угроза для неё [5].

Министр иностранных дел Екатерины в 1760-х годах Никита Панин, в отличие от Воронцова, был более заинтересован в северном направлении. Он убедил Екатерину не принимать во внимание рекомендации Воронцова, а учредить в Крыму должность консула. Екатерина добилась желаемого, когда хан Крым Герай (Kırım Giray) принял русского посла в Бахчисарае в 1763 году. Этот акт означал признание татарами того, что их будущее зависит от намерений России, и что хан пытается стать более независимым от османского султана, возвращаясь к исконно татарским традициям XVI века [6].

Новоиспечённый российский консул Никифоров приобрёл в Бахчисарае здание под посольство. Но к концу 1764 года его отношения с татарским правительством зашли в тупик. После свержения хана Крым Герая Селим Гераем III должность консула была ликвидирована, а Никифоров отозван домой. После этого события вплоть до начала великой войны в 1768 году нет никаких свидетельств о каких бы то ни было татарско-русских контактах [7].

Война 1768–1774 гг.

Вооруженные силы хана не играли решающей роли на главных аренах конфликта великой войны. Имевшие место тесные связи с военной политикой Османской империи были прерваны до начала войны, а координация между османами и татарами на северном фронте практически отсутствовала. Хотя из русских и турецких источников следует, что обе стороны были готовы к войне, по иронии судьбы первоначальной причиной конфликта стало событие, произошедшее на территории, на которую претендовал хан.

В сентябре 1768 г. часть русской армии, сражавшаяся против польской Барской конфедерации (*Bar*), прошла через город Балта (*Balta*), с которого хан собирал налоги и считал частью своей вотчины, без какого-либо предварительного агрессивного намерения. Однако татары восприняли это как нападение и начали активную оборону. В результате Балта была разрушена, а жители города разбежались.

В начале октября 1768 г. османы объявили войну России и для ханства начался судьбоносный период [8].

С начала войны в 1768 г. и до начала 1770 г. правили три хана: Кырым Герай (1768–1769), Девлет Герай IV (1769–1770) и Каплан Герай II (1770). Несмотря на то, что Кырым Герай предпринял одну краткосрочную кампанию против русских приграничных поселений, активность крымцев в военных действиях была слабой и неэффективной. Загадочная смерть Кырыма и неспособность Девлет Герая IV убедить татарские кланы выступить против русского войска заставили влиятельную часть крымского руководства пойти на переговоры с русскими. Эти переговоры, проходившие во время непродолжительного правления Каплан Герая, преследовали цель добиться «независимости» Кырыма [9].

Наиболее приемлемый вариант повествования об этих годах содержится в летописи-истории XIX века Халима Герая Султана. Он отмечает «безответственные действия» некоторых лидеров кланов, ногайских беев и даже самого семейства Гераев, направленные на утверждение татарской национальной идентичности – действия, которые стали побуждать к отделению Кырыма от Османской империи. Халим Герай Султан назвал три причины распада ханства: 1) изощренная стратегия русских, 2) жадность и амбиции небольшой части крымской правящей элиты и 3) растущая неспособность османского правительства понять реалии меняющегося баланса сил. Сила России и слабость Османской империи были основными причинами окончательного распада Крымского ханства. На мой взгляд, несправедливо возлагать слишком большую вину на внутреннюю дезинтеграцию Кырыма. Тем не менее, как отмечает Халим Герай Султан, игнорирование ногаев явилось одним из главных факторов гибели ханства [10].

Успех России с ногай татарами

В первые годы войны деятельность представителей Екатерины была сосредоточена на ногаях Едисана, которые под предводительством своего сераскера (*serasker*) Джан Мамбет бея (*Can Mambet Bey*) кочевали на западном побережье Черного моря. В 1770 году Едисанские ногаи подписали с русским правительством договор о дружбе. Джан Мамбет бей, который в течение последующих пятнадцати лет был активным сторонником России, заявил в этом договоре, что его орда «вступила в вечную дружбу и союз с Российской империей... и будет мирно жить под её защитой» [11]. За свое предательство Джан Мамбет бей получил привилегии и финансовое вознаграждение, и с 1770 года его доверенные лица действовали с целью подрыва ханской власти.

С подписанием этого договора был нанесен решающий удар, как по османам, так и по татарам. Территория Едисана находилась между двумя

мусульманскими армиями. Поскольку русские контролировали территорию между Днестром и Днепром, хан мог поддерживать отношения с Портой (Османской империей) только по морю. Вдобавок, османский флот вскоре был практически уничтожен в Эгейском море решающим ударом российского флота при Чешме (*Çeşme*). Основываясь на примере едисанских ногаев, русские пытались склонить на сторону России и других лидеров Крыма.

Каплан Герай

В июне 1770 года русский генерал Петр Панин, заручившийся поддержкой Джан Мамбет бея, провел ряд переговоров с новым крымским ханом Каплан Гераем. Он писал хану: «Султан присоединил крымцев и всех ногаев под своё правление не войной и не наследованием на законном основании, а с помощью различных ухищрений». Каплан Герай почувствовал, что что-то назревает. Османы больше не могут защитить крымцев от русской экспансии, и пришло время договориться с царицей. Таким образом, в конце 1770 года хан ответил генералу Панину: «Мы, крымский хан и иные лидеры Крымского государства и мурз клана Ширин (*mirzas*), вместо того, чтобы подчиняться османам, в настоящее время хотим присягнуть на верность такому правительству, как ваше, которое нам дружественно, и которое позволит следовать нашим древним политическим традициям» [12].

Это заявление содержит два интересных момента. Во-первых, это упоминание о клане мурз Ширинов; во-вторых, это упоминание о возвращении к древним политическим традициям. Парадоксально, но Ширины, которые сыграли важнейшую роль в установлении династии Гераев и в ее последующем подчинении османскому суверенитету, впоследствии сыграют решающую роль в её гибели. Тем не менее, есть все основания полагать, что именно действия Ширинов вынудили хана принять это заявление и рассмотреть предложение о разрыве с Османской империей.

Русские также показали себя достаточно хорошо информированными об основных вопросах политического конфликта в ханстве. Они упомянули о древних традициях, которые османы все чаще нарушали в течение XVIII века. Османский султан назначал и смещал ханов без участия карачи беев. Ширины и другие *беи*, похоже, верили, что новые связи с Россией вернут им былую власть.

Османы довольно быстро узнали об измене Каплан Герая и повелели заменить его Селим Гераем III, который проживал в поместье Гераев в Стамбуле. В течение первой половины 1771 года Селим Герай хану, вопреки росту российского влияния, удалось переломить ход событий. И Каплан Герай, и Ширин бей бежали в район, находящийся под контролем России, а

татарское войско нанесло поражение русскому гарнизону у порогов на Днепре.

Русское вторжение

Но уже в конце весны того же года русский генерал Долгоруков через ослабленные оборонительные сооружения на Перекопе повел в Крым большую армию, в которой были и части Эдисанской орды. Он сразу же издал манифест от имени Екатерины, который так быстро распространился по Крыму, что в его распространении наверняка принимали участие татары, симпатизирующие России. В манифесте говорилось, что Екатерина «обеспечит вам былую независимость», если татары «вырвутся из рабства Порты» [13].

Русские использовали как аргумент османское вмешательство в политические прерогативы Крыма, а также обещание вернуть татарские методы ведения дел в прежнюю политическую традицию. И этот манифест в сочетании с вторжением мощной армии, как, оказалось, возымел безоговорочный успех.

К концу 1771 года подавляющее большинство Гераев и лидеры кланов приняли российские заверения. Этот особый манифест был написан по совету бывшего крымского чиновника Якуб ага (*Yakup Ağa*), который после 1783 года стал одной из самых важных фигур в российской администрации Крыма.

В июле 1771 года генерал Долгоруков взял Гёзлеве, Бахчисарай и Перекоп. В начале месяца его армия вошла в Кефе и преследовала османского губернатора Ибрагим пашу до Стамбула. 13 июля Селим Герай сдался победившему русскому генералу. Он призвал своих подданных принять новый порядок и просил русских даровать ему традиционные символы суверенитета – меч и соболью шкуру, которые показали бы всем крымцам, что русские намерены выполнить свои обещания в предоставлении ханству независимости [14].

По причинам, которые не объясняются в современных источниках, Селим Герай изменил свое мнение в отношении вопроса о российском влиянии и независимости Крыма, и в сентябре отрекся от престола. Вероятно, оставшиеся в Крыму османские приверженцы убедили его в том, что независимость будет фиктивным и временным явлением, поскольку русские войска заняли все укрепленные места на полуострове.

Под давлением России лидеры кланов избрали нового хана. Им стал Сахиб Герай II. Сахиб избрал своим калгой Шахин Герая, который в последующие годы стал главным представителем интересов России в Крыму [15].

Кроме того, что его дед Девлет Герай III правил в 1716–1717 гг., о Сахиб Герае до его избрания ничего не известно. Однако именно Сахиб и его *калга* были архитекторами нового крымского независимого государства, которое официально возникло в 1774 году. Он успешно провел переговоры о возвращении ногайских орд в его подчинение. Он также заручился обещанием России оказать существенную военную и финансовую помощь в создании нового государства.

Российско-крымский договор

В конце ноября 1771 года представительная делегация татарских высокопоставленных лиц во главе с *калгой* Шахин² Гераем прибыла в Санкт-Петербург, чтобы подписать с русскими официальное соглашение о создании Крымского государства. Из свидетельств их относительно длительного пребывания в российской столице вытекают некоторые интересные подробности из жизни калги. Шахин сразу же привлек внимание Екатерины. Согласно письму царицы к Вольтеру, Шахин был красив и ярок. Нет никаких сомнений в том, что Екатерина увлеклась им при первой же встрече. Это влечение помешало царице вынести мудрое суждение о его карьере в последующие годы [16].

Татарская делегация вернулась в Бахчисарай в начале 1772 года с общими сообщениями о том, что создание независимого Крымского государства под властью династии Гераев и под наблюдением и защитой России близко к завершению. В ноябре 1772 года русские и татары подписали Договор в Карасубазаре (*Karasu Bazar*), городе клана Ширинов. Главными представителями, подписавшими договор были поручик Щербинин со стороны царицы, хан Сахиб Герай, Ширин и Мансур беи со стороны карачи-беев и, наконец, во главе с Джан Мамбет беем представители от каждой ногайской орды, принявшей российское покровительство.

Договор установил «союз и вечную дружбу» между вновь созданным независимым Крымским государством и Российской империей. Согласно договору, полная административная власть была предоставлена хану, который должен был избираться «согласно традиции», без какого-либо вмешательства со стороны как османов, так и русских. Последние сохраняли свое присутствие в районах, которые составляли османский *эялет* (*eyaelet*) Кефе [17].

Однако в полной мере независимость татар не могла быть реализована до тех пор, пока османы не ратифицировали договор. Пока Порты противилась этому, те татары на полуострове, которые не смирились с российским присутствием, имели некоторую надежду на отмену договора. Рус-

² Шаин – с крымскотатарского сокол.

ский двор и его ставленники, Шахин и Сахиб, понимали это и не предпринимали никаких усилий для создания новых независимых институтов в Бахчисарае, пока война не подошла к концу. В Стамбуле существовала большая и постоянно увеличивающаяся община татар-эмигрантов. Многие из религиозных чиновников и мурз бежали из Кефе вместе с разбитой турецкой армией в середине 1771 года. Они оказывали сильное давление на османское правительство, требуя вмешательства в дела Крыма, но их надежда была хрупкой и зависела от победы Османской империи.

К концу 1773 года уже не было и речи о том, что османы избежали полного поражения, и вопрос о крымцах был решен на поле боя. Это решение было просто ратифицировано на мирной конференции в Кючук-Кайнарджи (Küçük Kaynarca), но там османские дипломаты показали себя мудрыми и дальновидными политиками и избежали полной потери влияния в Крыму. Они потребовали внести в окончательный проект договора пункт о предоставлении султану религиозного суверенитета над татарскими мусульманами. Это оставляло возможность для продолжения османского вмешательства в Крым.

С точки зрения России договор, казалось, решил крымскую проблему. Обе стороны, и русские, и османы, согласились на создание независимого государства во главе с ханом в качестве самодержавного правителя. Османы сохранили свое влияние только в религиозных вопросах. Русские овладели важными крепостями *Киль-Бурун (Kilburunu)* на западе и *Еникале-Керчь (Enikale-Kerch)* у входа в Азовское море. Положение Черного моря как «девственной невесты султана» теперь было нарушено присутствием военных сил «неверных».

Договор, подписанный в середине 1774 года, оставил без ответа некоторые важные вопросы, которые угрожали дальнейшему существованию независимого государства в течение последующих нескольких лет. Самое главное, за исключением упоминания о самодержавном правителе, в договоре не была прописана форма управления новым государством. В нем не рассматривались ни политические отношения в самом татарском обществе, ни экономическая основа нового государства, ни конкретная форма взаимоотношений с русскими. Более того, событие, произошедшее в конце 1773 года, оставило серьезные сомнения относительно будущего государства. По причинам, не указанным в современных источниках, в разгар переговоров в Кючук-Кайнарджи хан Сахиб Герай внезапно приказал арестовать российского консула Веселицкого (*Vecelitskii*) и конфисковать его имущество. В результате этого Екатерина была вынуждена пересмотреть критерии усиления позиций России в Крыму. Для его же собственной безопасности Шахин Герай был переведен в более безопасное место в Полтаве. Если учесть, что российский консул оказался в тюрьме, то хан Сахиб Герай явно

потерял интерес к российской протекции, а фаворит Екатерины Шахин находился в Полтаве, то можно предположить, что политическое устройство государства оказалось непрочным. Создание независимого крымского государства начиналось весьма неуверенно.

7. Крымское независимое государство и российская аннексия

Почему Екатерина II, одержав ошеломляющую победу над османами и татарами, не стала настаивать на аннексии ханства остаётся одним из главных вопросов крымской истории. Большинство из её советников уверяли в целесообразности этого, заявляли, что это принесет ее империи наибольшие выгоды. Победа дала ей ту возможность, которой не хватало ее предшественникам. Однако, потребовалось девять лет упорных попыток России повлиять на направление внутреннего развития Крыма. Она состоялась только в 1783 году [1].

Почти все лидеры других государств относительно российской экспансии и в крымском вопросе надеялись, что новые политические договоренности будут недолговечными. Османы, наблюдая с одной стороны, как Россия обращается с братьями-славянами в Польше, а с другой – как двумя столетиями ранее были завоеваны и ассимилированы волжские татары, не видели причин для иного развития событий в Крыму. Французы, (чье вмешательство в дела Османской империи в 1760-х годах способствовало началу войны), предвидели, что независимый Крым, расположенный между двумя мощными и враждебными государствами, не сможет избежать сближения с одним или другим. Великобритания опасалась, что российское правительство распространит свое преимущество на Средиземноморье и изменит баланс сил в Южной Европе.

Для крымских татар эти девять лет независимости были тяжелым и бурным периодом. Ни Карасубазарский договор, ни мирный договор в Кючук-Кайнарджи не давали четких указаний по реорганизации татарского общества и правительства, которых требовала независимость. Кроме того, трудности усугублял и тот факт, что и российское, и османское правительства должны стремились влиять на развитие событий в Крыму. Екатерина не хотела, чтобы плоды ее победы в Крыму были развеяны. Поэтому с той поры она настоятельно требовала от крымских правительств соблюдать дух договоров, требовавших «дружбы» с ее правительством.

Османы тоже были поставлены в безвыходное положение. Они не понимали смысла договора, разрешавшего сохранение их религиозной власти в Крыму без какого-либо политического влияния.

Наконец, тот факт, что татары не смогли найти лидера, способного сформировать стабильное общество, которое сохранит и татарские, и мусульманские традиции, и в то же время создаст независимую политическую администрацию, стал последней каплей, приведшей к окончательной аннексии Крыма Россией.

Независимость Крыма можно разделить на три отдельных периода: 1) первые два года, 1774–1776 гг., в течение которых крымская элита пыталась определить, какой будет степень ее независимости (как российское, так и османское правительства пытались сделать всё возможное, чтобы повлиять на решение элиты); 2) 1776–1778 гг., когда российский фаворит Шахин Герай добился власти с помощью российского вмешательства (под покровительством Екатерины он пытался модернизировать крымское правительство по западному образцу); и 3) 1778–1783 гг., когда Шахин разрушил многие традиционные крымские институты, но оказался не в состоянии создать новые, пользующиеся популярностью. После третьего периода Екатерина II положила конец независимости Крыма.

Сахиб Герай у власти

В 1774 году после победы России и заключения договоров крымская элита пребывала в замешательстве и была деморализована. Оба договора требовали реорганизации общества и правительства по принципам, чуждым их традициям. Эта путаница привела к первоначальной попытке крымских лидеров и хана Сахиб Герая отменить требования договора и вернуться к довоенным отношениям с османами. Несмотря на то, что в конце 1773 года Сахиб арестовал русского подданного в Бахчисарае и направил османам петицию с просьбой «разорвать условия независимости и вернуться к обычаю назначать хана из Стамбула», османы, соблюдая дух и букву договора в Кючук-Кайнарджи, отказались удовлетворить петицию Сахиба.

Девлет Герай, которого османы отправили на Кубань в последние годы войны, отказался принять договор, подписанный османами в 1774 году. Он продолжил военные действия против русских под Азовом и повел большие отряды кавказских племён на Тамань. В конце 1774 года Девлет со своей армией пересек пролив, преодолел оборону русских у Еникале-Керчи и занял город Кефе. Он практически не встретил сопротивления ни со стороны Сахиб Герая, ни со стороны русских гарнизонов, расположенных поблизости. Девлет явно намеревался захватить крымский престол для самостоятельного правления и нарушить условия договора, потребовав поддержки и признания со стороны Османской империи. Сахиб Герай вынужден был бежать из Крыма и эмигрировать в Стамбул, где он и прожил до конца своих дней [2].

Девлет Герай захватывает власть

Узнав об этих событиях, османское правительство было обеспокоено. В это время имперский диван (*divan*) находился под контролем реформистов, которые хотели переключить внимание правительства с военных на внутренние вопросы. Они видели большую опасность для своих планов в любом развитии событий, которые могли бы потребовать вмешательства Османской империи в ситуацию с Крымом.

Османский посланник прибыл в Бахчисарай как раз в тот момент, когда здесь обосновался Девлет Герай. Девлет воспользовался инвеститурой и показал свое османское «признание» недоверчивой крымской элите как доказательство того, что он теперь их законный хан. Девлет не был глуп. Его первым важным действием было освобождение русского посла Веселицкого. Девлет собирался также попытаться заручиться поддержкой русских [3].

Ко всеобщему удивлению, Екатерина II признала Девлета ханом. Русскому консулу Щербинину было приказано обращаться к нему: «Ваше превосходительство Девлет Герай хан» и представить ему официальные российские документы, подтверждающие поддержку Россией его правления. Однако в России Екатерина продолжала тесно сотрудничать со своим крымским фаворитом Шахином. Она была терпеливой и позволила Девлету править, пока Шахин не соберет достаточно поддержки, чтобы вернуть трон. Однако вскоре Девлет совершил те же ошибки, что и его предшественники. Племена ногаев на севере, которых Екатерина увела у ханства в 1770 году, стали инструментом Екатерины в смещении Девлета. Новый хан не приложил никаких усилий, чтобы добиться их расположения. Он не видел необходимости убеждать ногаев в опасности российского вмешательства [4].

В июле 1775 г. Девлет направил делегацию из шестнадцати мурз в Стамбул, чтобы попросить османов разорвать договор и снова принять Крымское ханство в качестве вассала. Многие из числа крымских изгнанников в Стамбуле решительно поддержали османскую интервенцию в Крым, требуя, чтобы султан Абдуль Хамид I (*Abdul Hamid I*) поддержал новое крымское правительство. Однако реформисты под руководством Ахмеда Ресми (*Ahmed Resmi*) не допустили вмешательства Османской империи. Османы не желали предоставлять русским повода для возобновления войны. Они прекрасно понимали, что их собственные силы были настолько слабы, что война может привести к полному краху их империи [5].

Екатерина II опасалась, что, если Девлету удастся создать жизнеспособную администрацию, она утратит достижения, которых добились ее дипломаты и солдаты до 1774 года. Для этого она использовала свой опыт общения с ногайскими ордами с целью помочь Шахину вернуть трон. Она

назначила его главой ногайского правительства на Кубани с Джан Мамбет беом в его администрации. Екатерина поведала представителям этой группы, что некоторые крымцы забыли о жестокости турецкого ига, а османы продолжают борьбу без потерь для себя, но за счет крымцев. Это было достаточно убедительно для ногаев и они согласились с переходом через Керченский пролив.

Полномасштабное восстание против самодержавия Екатерины, возглавляемое казаком Пугачевым в 1775 году, сильно ограничило ее возможности действовать в Крыму с применением силы. Ее надежды в данный момент возлагались на Шахин Герая, Джан Мамбет бея и ногайские орды на Кубани. Екатерина избрала Шахина ханом ногаев [6].

На протяжении 1775 года русские пытались убедить османов отказать Девлету в поддержке. В то же время Екатерина подготовила мощные военные формирования вдоль Перекопской линии под командованием генерала Прозоровского (*Prozorovskii*). Хотя этот контингент был еще относительно слабым по численности, они послужили началом того, что в дальнейшем приведет к серьезному наращиванию сил России против Девлета [7].

На Крымском полуострове представители русских готовили почву для вторжения. Екатерина получила из Бахчисарая информацию о том, что Девлету нелегко общаться с лидерами кланов, он фактически пренебрегает кланами Мансур и Ширин из-за их недавней поддержки Сахиб Герая. Она чувствовала, что при правильной подготовке кандидатура Шахина может быть поддержана кланами. Некий турецкий летописец, обсуждая эти события, говорит о Мансурах, как о «грешниках, пытавшихся использовать всевозможные уловки и ухищрения», впоследствии послужившие основным стимулом для передачи Крыма русским [8].

Девлет продержался у власти чуть больше года. Основную поддержку он получал от крымских улемов (*ulema*) и от Хаджи Али аги (*Hacı Ali Ağa*), османского губернатора Анатолии, который, вмешиваясь в крымскую политику, действовал вопреки приказам из Стамбула. Хаджи Али ага отправил в Крым небольшую армию, имея целью помочь Девлету избавиться от последних следов российской оккупации. Но этого было недостаточно. У Девлета почти не было источников дохода. Доходы, получаемые ранее его предшественниками от османов, или добычи от кампаний были ему недоступны. У него не было ресурсов для содержания достаточного потенциала вооруженных сил, имея целью не допустить русских и Шахина и удовлетворить кланы. Девлету должно было стать очевидным, что, при отсутствии поддержки остальной крымской элиты, его шансы будут невелики [9].

После поражения Пугачева в середине 1775 года Екатерина смогла более решительно заняться крымской проблемой. В начале 1776 года Алек-

сандр Безбородко подарил императрице трактат о крымских проблемах, в котором подчеркивал давнюю историю жестокости татар по отношению к русским. Он писал: «Царь Иван Васильевич IV хорошо знал обычаи этих коварных и изменчивых татар... Он знал, что единственным средством избавиться от опасностей, исходящих от татар Казани, было взять их владения под свой контроль» [10]. Вывод, который можно сделать из этого наблюдения был очевиден. Однако Екатерина всё ещё возлагала надежды на Шахина.

Второе русское нашествие

В ноябре 1776 года Екатерина издала приказ о вторжении в Крым и в конце того же месяца захватила Перекоп, подготовив тем самым путь для входа Шахина.

С помощью ногайских племен Шахин в январе 1777 года пересёк Керченский пролив и медленно двинулся к Кефе, а затем к Бахчисараю. В конце марта Девлет наконец осознал, что его амбиции не будут реализованы. От османов не поступало никакой помощи, и большая часть необходимой поддержки на полуострове уже находилась в лагере Шахина. Девлет отрёкся от престола и отбыл в Стамбул с некоторыми близкими соратниками. Там он с запозданием получил помощь от османского правительства в виде пенсии и резиденции, где провел последующие четыре года до своей смерти [11].

Русские были довольны осуществлением задуманного с такими небольшими затратами. Генерал Прозоровский писал в Петербург: «Шахин взошел на престол, принес в эту страну единство, мир и покой». Никита Панин в порыве фантазии поздравил Екатерину с итогами этих «законных выборов, в которых османы не смогут найти никакого вмешательства России». Панин сказал, что эти действия «сохранили независимость Крыма при их собственном хане» [12].

Но османов не обмануть. Говорят, что султан Абдуль Хамид I, получив известие о победе Шахина, воскликнул: «Шахин Герай – это орудие. Цель русских – захватить Крым» [13]. Его наблюдение было точным. Первый период независимости Крыма бесславно завершился в 1776 году.

Политика Шахин Герая

Во время своего правления Шахин сосредоточился на четырех сферах реформ: политической, военной, экономической и внешней. Рассмотрев основные институты крымского общества, как в период расцвета власти татар, так и в последние десятилетия перед созданием независимости Крыма, Шахин пришел к выводу, что именно те институты, которые давали ханству силу в XVI веке, теперь ослабляют его.

В XVI веке ханство объединило силу руководства своих ханов с огромной мощью кланов. Каждый из них был заинтересован в успехе другого клана. Однако эта система зависела от слабых северных соседей, чьи людские и экономические ресурсы могли оказаться под контролем крымцев. Когда баланс сил изменился, основные экономические основы ханства были утрачены.

В XVIII веке право вождей клана выбирать хана привело к растущей нестабильности внутри самого ханства. Эта нестабильность обусловила победы России в 1760-х и 1770-х годах. Шахин понял, что хан должен получить достаточно власти, чтобы править единолично, прежде чем ханство сможет восстановить часть своего бывшего влияния в Восточной Европе. Это означало создание политической системы, напоминающей российскую систему.

Таким образом, Шахин впервые столкнулся с проблемой отсутствия авторитета в ханстве. Он считал, что единственный способ сломить власть лидеров кланов – это лишить их права участвовать в так называемых выборах, проводимых карачи-беями. Отныне все беи (*beys*), мурзы (*mirzas*) и ага (аги) (*ağas*) должны будут присягнуть хану. Когда Шахин вошел в Бахчисарай в конце марта 1777 года, он объявил: «Поскольку выборы ханов в будущем, несомненно, вызовут разделение и ссоры среди нас, мы желаем, чтобы правящий хан выбрал из числа своих султанов (*sultans*) («своих сыновей») того, кто унаследует трон» [14].

Эта система, представлявшая собой модифицированную форму вертикального наследования, позволяла Шахину править без учета противоречивых желаний различных кланов, или мусульманских официальных лиц в Крыму.

Затем Шахин перешёл к основным институтам своего правительства, в том числе *дивану* («государственному совету»), и представителям государства на местном уровне (*беям*). В прошлом *диван* был учреждением, независимым от ханской власти. Его целью было дать совет по важным государственным вопросам. Созывая новый *диван*, Шахин не пригласил, как это происходило ранее, всех лидеров кланов. Он пригласил только представителей клана Мансур и Ширин, поддержавших его приход к власти. Духовенство не было приглашено для участия в *диване*. Шахин надеялся таким образом превратить *диван* в учреждение, выполняющее его желания.

Проблема *бейликов* (*beylik*) была более сложной. Кланов считали земли бейликов своими собственными, унаследованными от предков, по легитимности и традициям стоявшими наравне с Гераями. Бывшие ханы не имели почти никакого влияния или власти внутри бейликов. Их должностные лица не могли даже заниматься обычной деятельностью по сбору налогов и судебным делам. В первое время Шахин не смог добиться много-

го. Он начал с переименования бейликов в *кадилики* (*kadiliks*). Кадилик предусматривал политические отношения между сувереном и чиновником, а также отношения между двумя суверенами с неравной властью, которые подразумевались под словом *бей* [15].

Наконец, Шахин задумался о строительстве нового дворца, более подходящего для современного самодержавного правителя конца XVIII века. Он планировал построить здание, напоминающее Царское Село в Санкт-Петербурге, где он провел несколько месяцев у императрицы, и попросил Екатерину прислать в Бахчисарай «несколько каменщиков, знакомых с западной архитектурой».

Сочетание этих политических реформ, создание наследственного ханства с правительственными учреждениями, представляющими только его собственные интересы, лишение кланов независимой местной власти и строительство нового дворца в западном стиле, все это должно было придать ему власть и атрибутуку самодержавного правителя. Шахин верил, если все это будет достигнуто, он сможет превратить Крымское ханство в независимое государство, способное выжить между Российской и Османской империями [16].

Военные и экономические реформы Шахина были тесно связаны с его политическими нововведениями и направлены на усиление центральной власти за счет других элементов общества. До этого периода основой власти кланов был контроль над большинством военных и экономических ресурсов ханства. Шахин решил, что его «феодальные» вооруженные силы должны уступить место постоянной армии, находящейся под его властью. Он начал формировать такого рода армию, получившую название «*бешле-ев*» («*beşli forces*»), и попросил русских прислать в Бахчисарай советников и инструкторов для их обучения.

Он хотел, чтобы его новая армия выглядела как западная армия с западной униформой. Как и десятилетием позже османы, Шахин ошибочно принял внешний вид западных армий за причину их превосходства на суше. Чтобы поддержать огромные расходы такой армии, он попытался ввести систему государственного налогообложения, она давала центральному правительству большую часть средств, которые ранее были в личном пользовании беев. Для этой цели Шахину потребовалось множество государственных служащих для определения и сбора налогов.

Крымская оппозиция Шахину

Хотя у него было мало шансов на успех без поддержки кланов (которой у него не было), тем не менее Шахин начал проводить эти преобразования. Осенью 1777 года он объявил о новых государственных налогах, графике призыва крымской молодежи в армию и назначении правительственных

чиновников на новые должности в местных городах. Свои надежды на успех он основывал на обещании выгод, приобретаемых ханством, а не на основе уже сильной местной базы поддержки. Даже лидеры кланов Мансур и Ширин были в ужасе от последствий ханских реформ и не желали поддерживать новый режим, лишавший их институционального влияния [17].

Два события, произошедшие в конце 1777 года, послужили толчком к восстанию. Во-первых, хан совершил ошибку, изменив традиционные отношения татар с немусульманскими общинами в Крыму. С XV века крупным христианским и еврейским общинам было разрешено иметь независимые судебные и местные политические органы управления. Они лишь в общих чертах подчинялись основным исламским законам, по которым жили татары. Безусловно, татары в правовом отношении не считали христиан и евреев равными себе. Они держались совершенно обособленно от общин неверных. Однако реальных преследований не было. Обе группы подданных могли сосуществовать без межрелигиозного соперничества и насилия [18].

Шахин, не видя взаимной пользы в раздельном существовании этих общин, предпринял попытку подчинить их одним и тем же законам. Он хотел предоставить равенство в правах всем своим подданным. Не должно было быть различий между мусульманами и немусульманами в налогообложении и военной службе. Судьи, возглавлявшие местные суды, должны были принимать решения в соответствии с государственным законодательством Крыма, а не мусульманским или христианским религиозным правом. Еще хуже с точки зрения мусульман было то, что Шахин намеревался изменить некоторые основы мусульманской правовой системы, введя правовые обычаи иноверных. Немусульманские общины были озадачены этими предложениями, и татары увидели в этом вопиющее отступление от своей религиозной принадлежности *либо* веры, которая, как они полагали, была также верой Шахина [19].

Русская колонизация

Вторым событием, над которым Шахин не имел никакого контроля, стало начало организованной российской колонизации Крымского полуострова. В конце 1777 года Екатерина приказала подготовить заселение в Крыму ряда греческих и славянских эмигрантов из Османской империи. Новые колонии были переданы «под контроль вооруженных сил Ее Величества» «с целью укрепления позиций России в Крыму». На этом раннем этапе речь шла всего о нескольких сотнях таких поселенцев, но они стали началом того, чему суждено было стать потоком. Эта группа, носившая русское имя *албанцы* (*Albantsy*), поселилась вблизи Еникале на землях, отторгнутых у османов и закрепленных за российским двором [20].

Популярность Шахина вновь достигла рекордно низкого уровня, когда среди татар стало вдруг общеизвестно о появлении албанцев (*Albantsy*). Шагин отправил свою новую армию против мятежников под Еникале. Его армия, однако, перешла на сторону повстанцев. Он внезапно остался без внутренней поддержки. Восставшие быстро продвинулись к дворцу Шахина в Бахчисарае, разогнав немногочисленных сторонников хана, и подожгли его дворец, а также прилегающие к нему здания. Менее чем через две недели восстание распространилось на Кубань, где ногаи, первыми поддержавшие Шахина, также дезертировали и перешли на сторону мятежников.

В Стамбуле бывший хан Девлет Герай и растущее число крымских эмигрантов распространяли слухи о том, что русские планируют новое вторжение в Крым и что они «возили Шахина в клетке и оскорбляли все догматы его религии». Под нарастающим давлением общественности османский диван приказал янычарскому флоту под командованием Джаникли Хаджи Али паши (*Canikli Hacı Ali Pasha*) направиться из Анатолии к берегам Крыма для защиты «целостности Договора в Кючук-Кайнарджи».

2 января 1778 года османы назначили Селима Герая, лидера эмигрантов в Стамбуле, главой нового крымского правительства [21].

Третье русское вторжение

В феврале 1778 года русская армия соединилась с албанскими солдатами в Еникале и вместе с Шахином приступила к обстрелу и захвату мятежных городов. Ущерб, нанесённый Акмесджиду, Эски Кырым и Кефе, был намного большим, чем в 1770–1772 годах. Согласно одному сообщению, во время нападения на Кефе полк под командованием генерала де Бальмена (*General de Balmen*) сжег весь город почти дотла и вырезал всех крымцев, находящихся в его пределах [22].

Русские полностью контролировали ситуацию к моменту прибытия османского флота, не давая ему возможности поддержать повстанцев. В 1778 году Шахин снова твердо стоял у власти. Восстание было полностью подавлено, и русская армия была на его стороне. При этом Екатерина все еще была полна желания поддержать его как правителя, способного претворить независимость Крыма в реальность [23].

Реформы Шахин Герая начались заново

Во время своего второго правления (1778–1783 гг.) Шахин успел провести некоторые из своих реформ. Но его задача осложнялась необъяснимым решением Екатерины в 1778 году. Она удалила с Крымского полуострова христианское меньшинство, являвшееся единственным элементом крымского общества, имевшим некоторые основания поддерживать

его реформы. Об исходе христиан в новое поселение на северном берегу Азовского моря написано много, и здесь нет необходимости повторяться. Для Шахина христиане были чрезвычайно важной группой. Они занимали почти все ремесленные и купеческие должности в экономике Крыма, внутренняя, и внешняя торговля ханства находились в их руках. Христиане из крымских подданных поддерживали контакты с зарубежными странами. Их потеря имела критические последствия для экономики, которые не смогли преодолеть ни Шахин, ни татары (после аннексии Крыма Россией в 1783 году) [24].

В начале 1779 года для Шахина появилась одна хорошая новость: правительство Османской империи подписало с Россией *Конвенцию Айнали Кавак* (*конвенцию в Айнали Кавак*). В этой конвенции османы признавали Шахина ханом Крыма, пока он жив, и обещали не вмешиваться во внутренние дела Крыма. Они согласились с тем, что Крым не будет подчиняться османам даже в религиозных вопросах [25].

В конвенции русские также пообещали вывести свои войска из Крыма и вернуть османам земли вокруг Ozü (Очакова). В свою очередь, османский султан признал право России вмешиваться в политические дела Крыма и согласился принять хана, отвечающего русским интересам. Крымские татары, которые были полностью деморализованы российским вторжением 1778 года, были еще больше ошеломлены осознанием того, что вмешательству Османской империи во внутренние дела Крыма положен конец. Их будущее в качестве вассала России под властью ненавистного Шахин Герая, казалось, было предрешено. Они мало что могли сделать перед лицом подавляющей военной силы.

Теперь в Крыму Шахин продолжил завершение некоторых реформ, начатых им в 1777 году. Он восстановил свою армию бешлеев (*beşlis*), состоявшую на этот раз почти полностью из ногаев, наемников из Польши, казаков и албанцев из Еникале. Шахин явно не собирался ставить свое выживание в зависимость от изменчивой поддержки татар. Круг его советников стал еще теснее и значительно уже, чем в 1777 году. Только горстка татар была допущена к его двору, в каком бы то ни было политическом качестве. Они не представляли никаких фракций, только самих себя. В течение трех лет Шахин наслаждался относительным спокойствием на полуострове: оппозиция его правлению не могла эффективно продемонстрировать свою силу.

Но в 1781 году снова возникли трудности. Крымцы, не желающие больше мириться с русским влиянием при дворе Шахина, подняли восстание. Сначала это были ногаи Едисана, без одобрения из Бахчисарая «избравшие» своим вождем Мурат Герая. Под предводительством Мурат Герая едисанцы покинули полуостров и переправились через реку Кубань на юг.

Несколько месяцев спустя ногаи Джамбулука и Едичкуля отказались принять чиновников, присланных ханом, и объявили себя неподвластными ни его, ни русской власти. Хрупкий правопорядок, на котором держалось ханство, распался.

В апреле 1782 года часть собственной армии Шахина восстала против своих командиров и примкнула к набирающему силу повстанческому движению в Тамани, где двое братьев Шахина, Арслан и Бахадыр, вступили в тайные переговоры с представителями крымской элиты. К концу апреля представители основных татарских кланов, а также улемы и кадии Кефе открыто замыслили свержение хана. Защищая свою политическую линию, Шахин отправил Арслану послание, в котором говорилось: «Это государство не является республикой. Поэтому они (лидеры кланов) не могут прийти к тебе для подобных обсуждений. Вы сами должны приехать в Бахчисарай, где мы все сможем прийти к соглашению». Очевидно, что это была ловушка, и оппозиционеры отказались ехать [26].

14 мая 1782 года небольшая группа повстанцев во главе с Халимом Гераем (*Halim Giray*) совершила нападение на Кефе, где Шахин и русский консул обсуждали политические вопросы с кадием. После непродолжительного боя Шахин и его силы *беилеи* были полностью разгромлены. На следующий день хан и его немногочисленные оставшиеся сторонники бежали на корабле в русскую крепость в Керчи. Повстанцы немедленно избрали Бахадыр Герая ханом и отправили делегацию в Стамбул, чтобы получить одобрение султана на новые выборы [27].

Теперь всем стало ясно, что этот третий период независимости Крыма почти подошел к концу. Что бы сделала российская императрица перед лицом трех таких неудач в попытках заставить крымцев признать Шахин Герая своим самодержавным правителем? В течение июня и июля 1782 года восстание против политики, проводимой Шахином, вспыхнуло на всей территории Крымского полуострова. Все его приспешники, которые не смогли спастись бегством, были убиты. Фундамент нового дворца, строительство которого он начал в районе Бахчисарая, был разрушен. Офисы и правительственные здания, олицетворявшие его правление, также были разрушены.

Последнее русское вторжение

Тем не менее, Екатерина вновь вернула Шахина на трон, применив для этого военную силу. Новое вторжение русских возглавлял генерал Григорий Потёмкин. Армия вошла, разгромив повстанцев. Бахадыр Герай и некоторые из его сторонников бежали через Кубань на территорию Османской империи. Шахин вернулся в Бахчисарай под усиленной охраной русских войск.

Но обычных проявлений лояльности к хану, которые русские всегда могли продемонстрировать в прошлые годы, на этот раз не последовало. Хан начал жесткие репрессии против всех сторонников Бахадыра. Якуб ага, ставший во время последнего правления Шахина доверенным лицом русских, отправил Потемкину тревожную записку, сообщая, что Шахин действует самым безответственным образом и это может привести к потере какой бы то ни было поддержки в Крыму. Екатерина приказала русскому советнику заставить Шахина прекратить «эти бессмысленные репрессии». «Поскольку наша щедрость и доброта предназначены не только для него, но и для всего крымского народа, он должен прекратить это шокирующее и жестокое обращение и не дать им повода для нового восстания» [28].

Приказ Екатерины оказался безрезультативным. Сам Потёмкин не был особо обеспокоен действиями хана, он уже готовился к российской аннексии Крыма, которая должна была произойти в течение следующего года.

Потёмкин выяснил через Якуб ага, что часть крымского общества истощена и деморализована событиями последних десяти лет, и что они совершенно не против принятия идеи российской аннексии. В конце ноября 1782 года Якуб ага сообщил о переговорах с лидерами Ширинов о «благодати», в которой жили все народы Российской империи. «Мы обсуждали счастливое положение татар Казани и всех мусульманских народов, свободно вступивших в империю, и многочисленные преимущества, полученные мусульманами, являющимися подданными императрицы» [29].

Потёмкина, должно быть, позабавила нелепость этого заявления, но он был рад узнать, что татары сами рассматривают возможность вхождения в состав империи.

Российская аннексия

В марте 1783 года Потёмкин вернулся в Санкт-Петербург, намереваясь убедить императрицу в важности аннексии Крыма, чтобы положить конец огромным расходам на содержание непопулярного марионеточного правителя.

В апреле Екатерина издала манифест, провозглашающий аннексию. В нем она оправдывала свой поступок, заявляя, что её империя не смогла насладиться плодами своих побед во время войны 1768–1774 гг. Независимость потерпела неудачу, а крымцы проявили неблагодарность, не приняв дар от России. На полуострове реакция на аннексию была незначительной. Потёмкину было приказано разместить «плакаты в важных общественных местах, чтобы объявить крымцам, что Мы принимаем их как Своих подданных» [30].

Из приближенных к Екатерине величайшую похвалу она получила от графа Александра Безбородко, одного из ближайших её советников, кото-

рый долгое время выступал за такое действие. В свой дневник на эту дату он записал следующее обоснование аннексии:

«Порта с самого начала не хранила добросовестности. Основной её целью было лишить крымцев независимости. Она изгнала законного хана, заменив его этим вором Девлет Гераем. Они настойчиво отказывались покинуть Тамань. Многократно предпринимались вероломные попытки поднять в Крыму восстание против законного хана Шахин Герая. Все эти усилия не заставили нас прийти к объявлению войны... Порта не переставала наслаждаться каждым восстанием татар... Единственным нашим желанием было добиться мира в Крыму... и, в конце концов, турки вынудили нас аннексировать эту территорию» [31].юфкян

Конечно, всё это было неправдой. Настоящая оппозиция требованиям Договора в Кючук-Кайнарджи (*Treaty of Küçük Kaynarca*) никогда не была в Стамбуле; она была в самом Крыму. Шахин Герай и его политика внесения изменений под прямым влиянием и контролем русских не оставили крымской элите иного выбора, кроме как бегство или противодействие на родине. Независимость Крыма в этот период была не более чем фикцией, созданной и закреплённой силой русского оружия. Это был переходный период между суверенитетом Османской империи и суверенитетом России.

Опять же, главный вопрос, на который пока нет ответа, состоит в том, почему Екатерина предпочла такой переход прямому присоединению.

8. Реорганизация Крыма

Екатерина II, в отличие от многих своих советников, не питала неприязни к крымским татарам и не относилась с предубеждением к своим нерусским или нехристианским подданным. Интерес Екатерины к Крыму был скорее экономическим и политическим, чем национальным или этническим. В центральных регионах России до 1783 года Екатерина приложила немало усилий для улучшения положения своих мусульманских и тюркских подданных. Она полностью отказалась от многих методов преследования и дискриминации, проводимых ее предшественниками, и в результате заручилась активной поддержкой руководства этих меньшинств. Эти преобразования следует иметь в виду, чтобы рассматривать ее действия в Крыму после 1783 года в более широкой перспективе [1].

С момента включения мусульманских подданных в состав Российской империи при царе Иване IV и до середины XVIII века официальное отношение в России к таким иноверцам было суровым. Под влиянием церковной доктрины и исторического опыта русские считали мусульманских подданных опасными для внутренней безопасности государства и угрозой его духовному благополучию.

Иван IV своим двуединым наступлением на ислам заложил образец обращения с мусульманами. Он разрушил институциональные основы ислама в Казани, уничтожив школы и мечети, удалив образованную элиту и духовенство. Он заставил многих мусульман обратиться в христианство. Сто лет спустя в *Соборном Уложении (Sobornoe Ulozhenie)*, своде законов царя Алексея 1649 года, проблеме мусульман России был посвящен специальный раздел. Там отмечалось, что наказанием за «обращение в другую веру во имя Мухаммеда было сожжение на костре» [2].

Петра I меньше заботили религиозные различия между мусульманами и русскими, но он тоже проводил политику, где это было возможно, направленную на уничтожение мусульманской интеллектуальной и социальной элиты. Например, он отменил дворянский статус у всех мусульман татар Казани и поместил их в социальную категорию государственных крестьян. Еще более агрессивное православное миссионерство среди мусульман имела место в 1740–1750-х годах после основания Казанской Канцелярии Новообращенных. Согласно указу о создании учреждения, его целью было крестить, при необходимости насильственно, всех мусульман [3].

Продолжение следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

6. Интерес России к Крыму

1. Крижанич Юрий. *Политика*. М., 1965. С. 382–383, 435, 482; Бережков М.Н. План завоевания Крыма, составленный Юрием Крижаничем. ZhMNP 127 (1891). С. 483–517; 128 (1891). С. 65–119.

2. Фишер А. Азов (Fisher. «Azov»); Самнер Б.Х. (В.Н. Sumner). *Петр Великий и Османская империя* (Лондон, 1949) (Sumner В.Н., *Peter the Great and the Ottoman Empire* (London, 1949).

3. Franciz Ley. *Le Maréchal de Münnich et la Russie au XVIIIe Siècle*. Френсис Лей. *Маршал Миних и Россия в XVIII веке*. (Париж, 1959); Inalcik H. *Kirim Hanlığı*. (Иналджик Х. *Крымское Ханство*), С. 750. Самая главная библиотека татар при хане Селим Герае I была полностью уничтожена, в ней хранились многие важнейшие татарские хроники и рукописи.

4. Борзенко Н., Негри А., *Бахчисарайская, арабская и турецкая надписи ханского двора*. ЗООИД, 2 (1848), С. 491–494, относительно свидетельства тех частей уцелевшего дворца, перестроенных Селамет Гераем. Миронов М.К истории пограничных наших сношений с крымским ханством. *Киевская старина*. 11 (февраль 1885 г.), С. 339–356.

5. Воронцов М.Л. Описание состояния дел во время Государыни Императрицы Елизаветы Петровны // *Архив Князя Воронцова*, 25. М., 1882. С. 308–310; Сергеев А. Доклад Императрице Екатерине Великой по вступлении Ея на Престол, изображающий систему крымских татар // ИТУАК. 53 (1916). С. 190–193.

6. Ульяницкий В. *Российские консульства за границею в XVIII веке*. М., 1899. Т. 1. С. 445–450.
7. Fisher A. *The Russian Annexation of the Crimea 1772–1783* (Cambridge, 1970), p. 28. (Фишер А. Российская аннексия Крыма 1772–1783 (Кембридж, 1970). С. 28, для обсуждения этого турецкого документа и отбытие Никифорова.
8. Uzunçarşılı İ.H. *Osmanlı Tarihi* (Ankara, 1956). *История Османов*. (Анкара, 1956). Т. 2. Часть 4. Ч. 1. С. 370.
9. Этот поход подробно обсуждался большинством историков Крыма из-за одного случайного события. Французский представитель, барон де Тотт, сопровождал хана в этом сражении и оставил о нем красочный отчет.
10. Halim Giray Sultan *Gülbün-i Hanan, passim* (Халим Герай Султан. Гульбун-и Ханан, пассим). Fisher «Crimean Separatism» (Фишер. «Крымский сепаратизм»).
11. Скальковский А. О ногайских татарах. С. 153; Дружинина Е.И. *Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года: его подготовка и заключение* (М., 1955). С. 108.
12. Boris Nolde. *La formation de l'empire russe* (Paris, 1952–1953). Нольде Борис. *Формирование российской империи* (Париж, 1952–1953 гг.), том. 2. С. 59; Necati Efendi (Неджати Эфенди). Записки Мухаммеда Неджати Эфенди. *Русская старина* (март 1894 г.). С. 132.
13. Политическая переписка Императрицы Екатерины II. SIRIO 97. С. 245–246.
14. Бумаги Императрицы Екатерины II. SIRIO, 13. С. 129; Fisher. *Russian Annexation*. С. 40–43.
15. Халим Герай Султан. С. 183. Могила Селим Герая находится на кладбище мечети Айяс (Ayas) паши в Стамбуле, и на камне он представлен как «патриот». Ховорт, С. 596–597.
16. Fisher. *Russian Annexation*. С. 45–47.
17. *Там же*. С. 49–51.

7. Крымское независимое государство и российская аннексия

1. См. Фишер (Fisher), *Russian Annexation*, где не дается удовлетворительное объяснение этого вопроса.
2. *Там же*. С. 57–60.
3. *Там же*. С. 61.
4. *Там же*. С. 60–63; «Архив военно-походной канцелярии графа П.А. Румянцева-Задунайского», *Chteniia* 56. С. 16–18.
5. Fisher, *Russian Annexation*. С. 62–64; Нольде (Nolde), том. 2. С. 123–125, утверждает, что османы отправили Девлета с этой миссией и помогли его администрации. Никаких подтверждений этому в турецких источниках нет.
6. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II. SIRIO 135. С. 266.
7. Дипломатическая переписка. С. 441.
8. Ахмет Джевдет, *Cevdet Tarihi* 2-изд. (История Девлета) (Стамбул, 1854), т. I. С. 131.
9. Дубровин Н.Ф. *Присоединение Крыма к России (Санкт-Петербург. 1885–1889 гг.)*. т. I. С. 56–78, за серию отчетов о проблемах Девлета; *Cevdet*, т. I. С. 124–125.
10. Григорович Н. *Канцлер князь А.А. Безбородко*. SIRIO 26. С. 369.

11. Фишер (Fisher), *Russian Annexation*. С. 73–81.
12. «Архив Румянцева-Задунайсакого», с. 116; «Письма графа Н.И. Панина к Императрице Екатерине Великой». *Архив князя Воронцова* 26 (1882). С. 153.
13. Uzunçarşılı, т. 1. С. 4. ч. 1. С. 446.
14. Дубровин. *Присоединение*. Т. 1, С. 498–499; Фишер. *Russian Annexation*. С. 82–84.
15. Лашков Ф.Ф. Шахин-Герай // *Киевская старина* (сентябрь 1886 г.). С. 57; Скальковский. *Занятие Крыма*. С. 9–11.
16. Дубровин. *Присоединение*. Т. I. С. 654.
17. Фишер (Fisher). *Russian Annexation*. С. 86–90; Караимский раввин Азария Илия. «События произошедшие в Крыму», *Временник императорского московского общества истории и древностей российских*, 24 (1854 г.). С. 103–114.
18. Фишер (Fisher). *Administration Empires, passim*.
19. Азария Илия. *passim*. A.I. Bert'e-Delagard. К истории христианства в Крыму. *ZOOID*. 28 (1910). С. 66.
20. Дубровин Н.Ф. *Бумаги князя Потемкина-Таврического // Сборник военно-исторических материалов*. Т. 6 (1893). С. 26–29.
21. Uzunçarşılı. Т. 4, С. I, С. 447; Иналджик. *Çerkes*, С. 24–25.
22. Дубровин. *Присоединение*. Т. 2. С. 4. 92; Сафонов. Остатки греческих легионов в России. *ЗООИД*, I (1844). С. 218.
23. Григорович, С. 93.
24. Об исходе христиан, см. Марк Раеф (Marc Raeff). Стиль имперской политики России и князь Г.А. Потемкин. В книге Г.Н. Гроба «*Государственные деятели и государственное управление современного Запада*» (Барре, Массачусетс, 1967 г.), С. 1–52; Фишер (Fisher). *Russian Annexation*. С. 100–105; Нольде, т. 2, С. 140–152; Гавриил архиепископ. *Переселение греков из Крыма*. *ЗООИД*. I (1844). С. 197.
25. Дубровин. *Присоединение*. Т. 2. С. 92–93.
26. *Там же*, т. 4. С. 508.
27. *Там же*, С. 512.
28. Бумаги Императрицы Екатерины II. *SIRIO* 27. С. 232.
29. Дубровин. *Присоединение*. т. 4. С. 931–932; Бумаги Екатерины II. *SIRIO* 27. С. 222–223.
30. *P.S.Z.* (ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи), 1-издание. Т. 21. № 15. 707. С. 897.
31. Григорович, С. 530–532.

8. Реорганизация Крыма

1. См. Фишер А. (Fisher A.). *The Administration of Subordinate Nationalities (Администрация подчиненных национальностей) и Фишер А. Enlightened Despotism and Islam (Просвещенный деспотизм и ислам)*, для более полного рассмотрения этого вопроса.
2. Chantal Lemercier-Quelquejay. *Les Missions orthodoxes en Pays Musulmans de moyenne-et basse – Volga 1552–1865*. (Православные миссии в мусульманских странах Среднего и Нижнего Поволжья 1552–1865 гг.), *Cahiers* 8. № 3 (1967). С. 369–403.

3. P.S.Z. (ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи), 1-е издание. Т. 11. № 8664. С. 719–720; Малов Е.А. *О новокрещенской конторе* (Казань, 1873 г.).

Сведения об авторе: Алан Фишер – профессор истории Государственного университета Мичигана, США. Профессор Фишер получил несколько грантов на зарубежные исследования. В 1969 и 1976 гг. ему была оказана поддержка Американского исследовательского института, а также Американского совета научных сообществ на исследования в Турции в 1976–1977 гг. Его работа «Крымские татары» является первой из серии работ, посвященных истории и развитию нерусских народов в Советском Союзе. Профессор Фишер исследует историю крымскотатарского народа, начиная с середины XIV века и по настоящее время, используя первоисточники на нескольких европейских языках, в том числе и на русском, а также крымскотатарском и турецком языках.

Сведения об авторах перевода: Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна – лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

Алиева Арзы Юсуфовна – внештатный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); alieva1985@gmail.com

The Crimean Tatars*

Alan Fisher

Annotation. This article is a continuation of the translation from English of the famous historian Alan Fisher's scientific work "*The Crimean Tatars*". A. Fisher was always interested in the history of the Ottoman Empire and Turkic peoples. His work "*The Crimean Tatars*" was published in 1978 in the USA.

The second part of his work covers the following items: 1. Crimean Tatars in Imperial Russia (Russian interest in the Crimea). 2. Catherine II. 3. War of 1768–1774. 4. Russian success with Nogay Tatars. 5. Kaplan Giray. 6. Russian invasion. 7. Russian-Crimean Treaty. 8. Sahib Giray in power. 9. Second Russian invasion. 10. Şahin Giray's

* Translation from English by L.S. Seythalilova, A.Yu. Alieva. Translation is based on publication: Fisher, Alan W. *The Crimean Tatars*. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1978. Continuation. See the beginning in: Alan Fisher. *The Crimean Tatars*. Trans. from English Seytkhalilova L., Alieva A. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*=Crimean Historical Review. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 58–114. DOI: 10.22378/kio.2022.1.58–114 (In Russian).

policies. 11. Crimean opposition to Şahin. 13. Crimean colonization. 14. Third Russian invasion. 15. Şahin Giray's reforms begun anew. 16. Final Russian invasion. 17. Reorganization of the Crimea.

On the whole this part of work covers political and economic conditions under which Crimea came under the rule of Russia.

Keywords: Crimean Tatars, Nogay Tatars, invasion, political system, economic system, Şahin Giray, ruling khan, Ottoman Empire, Catherine II, reorganization of the Crimea.

For citation: Alan Fisher. The Crimean Tatars (2). Trans. from English Seytkhalilova L., Alieva A. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie = Crimean Historical Review*. 2022, no. 2, pp. 99–128. DOI: 10.22378/kio.2022.2.99-128 (In Russian)

REFERENCES

6. Russian Interest in the Crimea

1. Iurii Krizhanich, *Politika* (Moscow, 1965), pp. 382–83, 435, 482; M.N. Berezikov, “Plan zavoevaniia Kryma, sostavlennyi Iuriem Krizhanichem.” *ZhMNP* 127 (1891), pp. 483–517, and 128(1891), pp. 65–119.

2. Fisher. “Azov”; B.H. Sumner, *Peter the Great and the Ottoman Empire* (London. 1949).

3. Francis Ley, *Le Maréchal de Münnich et la Russie au XVIIIe Siècle*. (Paris, 1959); Inalcik. “Kirim Hanlığı,” p. 750. The important Tatar library of Khan Selim Giray I was totally destroyed too—it held many of the most important Tatar chronicles and manuscripts.

4. N. Borzenko and A. Negri, “Bakhchisaraiskaia, arabskaia i turetskaia nadpisi khan-skago dvortsa,” *ZOOID* 2 (1848), pp. 491–94, for evidence of those portions of the surviving palace rebuilt by Selamet Giray. M. Mironov, “K istorii pograniichnykh nashikh snosheniia s krymskim khanstvom,” *Kievskaiastarina* II (Feb. 1885), pp. 339–56.

5. M.L. Vorontsov, “Opisanie sostoianiia del vo vremia Gosudaryni Imperatritsy Elizavetu Petrovny,” *Arkhiv Kniazia Voronstova* 25 (Moscow, 1882), pp. 308–10; A. Sergeev, “Doklad Imperatritse Ekaterine II-oi po vstuplenii Eia na Prestol, izobra-zhaiushchii sistemiu Krymskikh Tatar,” *ITUAK* 53 (1916), pp. 190–93.

6. V. Ulianitskii, *Russkiiia konsul'stva granitseiu v XVIII veke* (Moscow, 1899), vol. I, pp. 445–50.

7. A. Fisher, *The Russian Annexation of the Crimea 1772–1783* (Cambridge, 1970), p. 28, for a discussion of this Turkish document and Nikiforov's exit.

8. I.H. Uzunçarşılı, *Osmanli Tarihi* (Ankara, 1956) vol. 4. pl. I, p. 370.

9. This campaign has been discussed in detail by the most historians of the Crimea because of one chance event. A French agent Baron de Tott accompanied the khan in this battle and left a colorful account of it.

10. Halim Giray Sultan. *Gülün-i Hanan, passim*. Fisher. “Crimean Separatism.”

11. A. Skal'kovskii, “O Nogaiskikh tatarakh,” p. 153; E. I. Druzhinina. *Kiuchuk-kainardzhiiskii mtr 1774 goda: ego podgotovka i zakliuchenie* (Moscow. 1955). p. 108.

12. Boris Nolde, *La formation de l'empire russe* (Paris. 1952–1953), vol. 2, p. 59; Necati Efendi. “Zapiski Mukhammeda Nedjati Efendi.” *Russkaia starina* (March 1894). p. 132.
13. “Politicheskaia perepiska Imperatritsy Ekateriny II.” *SIRIO* 97, pp. 245–46.
14. “Bumagi Imperatritsy Ekateriny II.” *SIRIO* 13. p. 129; Fisher, *Russian Annexation*, pp. 40–43.
15. Halim Giray Sultan, p. 183. Selim Giray’s tomb is in the cemetery of the mosque of Ayas Pasha in Istanbul, and on the stone he is described as “a patriot.” Howorth, pp. 596–97.
16. Fisher, *Russian Annexation*, pp. 45–47.
17. *Ibid.*, pp. 49–51.

7. The Crimean Independent Slate and Russian Annexation

1. See Fisher, *Russian Annexation*, where no satisfactory explanation of this question emerges.
2. *Ibid.*, pp. 57–60.
3. *Ibid.*, p. 61.
4. *Ibid.*, pp. 60–63; “Arkhiv voenno-pokhodnoi kantseliarii grafa P.A. Rumiantseva-Zadunaiskago,” *Chtentia* 56, pp. 16–18.
5. Fisher, *Russian Annexation*, pp. 62–64; Nolde, vol. 2, pp. 123–25, claims that the Ottomans sent Devlel on this mission and aided his administration. There is no evidence for this in the Turkish sources.
6. “Diplomalicheskaia perepiska Imperatritsy Ekateriny II,” *SIRIO* 135, p. 266.
7. “Diplomaticheskaia perepiska,” p. 441.
8. Ahmet Cevdet, *Cevdet Tarihi* 2nd cd. (Istanbul, 1854), vol. I. p. 131.
9. N.F. Dubrovin. *Prisoednenie kryma k rossii* (St Petersburg. 1885–1889). vol. I, pp. 56–78, for a series of reports on Devlet’s problems; Cevdet, vol. I, pp. 124–25.
10. N. Grigorovich, *Kantsler Kniaz A. A. Bezborodko*. *SIRIO* 26, p. 369.
11. Fisher, *Russian Annexation*, pp. 73–81.
12. “Arkhiv ... Rumiantseva Zadunaiskago,” p. 116; “Pis’ma grafa N.I. Panina k Imperatritse Ekaterine Velikoi.” *Arkhiv kniazia vorontsova* 26 (1882). p. 153.
13. *Uzunçarşili*, vol. 4, pl 1, p. 446.
14. Dubrovin, *Prisoedinenie*, vol. 1, pp. 498–99; Fisher, *Russian Annexation*, pp. 82–84.
15. F.F. Lashkov. “Shagin-Girei,” *Kievskaiia starina* (Sept 1886). p. 57; Skal’kovskii. “Zaniatie kryma,” pp. 9–11.
16. Dubrovin. *Prisoedinenie*. vol. I. p. 654.
17. Fisher. *Russian Annexation*, pp. 86–90; Karaim Rabbi Azaria Iliia. “Sobytiia sluchivshiiiasia v krymu,” *Vremennik imperatorskago moskovskago obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh* 24 (1854), pp. 103–14.
18. Fisher, “Administration Empires,” *passim*.
19. Azaria Iliia. *passim*. A.L. Bert’e*Delagard, “K istorii Khristianstva v krymu,” *ZOVID* 28 (1910). p. 66.
20. N.F. Dubrovin. “Bumagi Kniazia ... Potemkina-Tavrisheskago,” *Sbornik voenno-istoricheskikh materialov* 6 (1893), pp. 26–29.

21. Uzunçarşılı. vol. 4, pL I, p. 447; Inalcik. “Çerkes,” pp. 24–25.
22. Dubrovin. *Prisoedtnenie*. vol. 2, pp. 4. 92; S. Safonov. “Ostatki grecheskikh legionov v rossii,” *ZOOID* I (1844). p. 218.
23. Grigorovich, p. 93.
24. On the Christian exodus, see Marc RaefT, “The Style of Russia's Imperial Policy and Prince G.A. Potemkin.” in G.N. Grob. ed., *Statesmen and Statecraft of the Modern West* (Barre. Mass., 1967), pp. 1–52; fisher. *Russian Annexation*, pp. 100–105; Nolde, vol. 2, pp. 140–52; Gavriil arkhiepiskop. “Pereselenie grekov iz kryma.” *ZOOID* I (1844). p. 197.
25. Dubrovin. *Prisoedinenie*. vol. 2, pp. 92–93.
26. *Ibid.*, vol. 4, p. 508.
27. *Ibid.*, p. 512.
28. “Bumagi Imperatrilsy Ekateriny II.” *SIRIO* 27, p. 232.
29. Dubrovin. *Prisoedinenie*. vol. 4, pp. 931–32; “Bumagi ... Ekateriny II.” *SIRIO* 27, pp. 222–23.
30. *P.S.Z.* series I. vol. 21 no. 15.707. p. 897.
31. Grigorovich, pp. 530–32.

8. Reorganization of the Crimea

1. See A. Fisher, “The Administration of Subordinate Nationalities,” and Fisher. “Enlightened Despotism and Islam.” for fuller treatments of this subject.
2. Chantal Lemerquier-Quelquejay. “Les missions orthodoxes en Pays Musulmans de moyenne-et basse-Volga, 1552 1865,” *Cahiers* 8. no. 3 (1967), pp. 369–403.
3. *P.S.Z.* series 1, vol. 11, no. 8664, pp. 719–20; E.A. Malov. *O novokreshchenskoi kontore* (Kazan. 1873).

About the author: Fisher Alan W. is associate professor of history at Michigan State University, the USA. Professor Fisher has received several grants for study abroad. He was given support by the American Research Institute in 1969 and 1976 as well as the ACLS for research in Turkey during 1976–1977. His work *The Crimean Tatars* is the first in the series of volumes that examine the history and development of non-Russian nationalities in the Soviet Union. Professor Fisher examines the history of the Crimean Tatars from the mid-fourteenth century to the present, making use of primary source materials in several European languages, including Russian, as well as the Crimean and Turkish languages.

About the translators: Leylya S. Seyitkhalilova – laboratory assistant researcher of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru

Arzy Yu. Alieva – freelance employee of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420111, Baturin Str., 7A, Kazan, Russian Federation); alieva1985@gmail.com